

мер, определялась однократным или многократным чтением 50-го псалма. По Псалтири, наконец, наши предки начинали и обучение грамоте. Поэтому знание всей Псалтири наизусть не было редкостью, особенно среди монахов и церковнослужителей, о чем свидетельствует Киево-Печерский патерик и другие литературные памятники.

Во многих и уже древнейших памятниках русской литературы используется Псалтирь, используется по-разному, что доказывает, насколько глубоко и разносторонне понимали ее их авторы. Если в «Слове о законе и благодати» отдельные стихи различных псалмов цитируются преимущественно там, где это требуется для усиления торжественного звучания (недаром в изданиях «Слова» почти все псалтирные цитаты отмечаются восклицательным знаком), то Владимир Мономах в своем «Поучении» рассказывает, что, «разгнув» Псалтирь наугад, нашел место, гармонирующее с его грустным настроением, и стал выписывать аналогичные места подряд; после этого цитируются значительные по объему куски из 35-го и других псалмов. И это — не только гадание, как принято данное место комментировать: при гадании по Псалтири довольствовались обычно лишь одной-двумя фразами, которыми старались придать отличный от контекста тайный смысл. Цитатами из Псалтири начинается также «Моление Даниила Заточника». Приведенные примеры, взятые из трех различных по жанру памятников, говорят сами за себя.

И совершенно не случайно, что именно Псалтирь была одной из первых книг, которая на Руси стала иллюстрироваться; именно иллюстрироваться, а не украшаться изображениями авторов, заказчиков или их эпонимов, как было принято в первые века существования русской книги. Старейшая русская лицевая Псалтирь (Хлудовская в ГИМ) относится к XIII в.; она старше лицевых житийных и историографических книг — тверского списка Хроники Георгия Амартола, Сильвестровского сборника, Радзивилловской летописи и многих других.

Киевская псалтирь 1397 г. занимает в ряду лицевых псалтирей особое место; Псалтири именно такого типа переписывались и разрисовывались вплоть до XVII в. — конца монопольного господства в России рукописной четвей книги.

Какими же качествами именно эта Псалтирь обеспечила себе столь длительную существование? Прежде всего своими высокохудожественными — живописными и графическими — качествами, далеко еще не исчерпывающе раскрытыми в работах специалистов-искусствоведов. Во-вторых, менее заметным и менее известным свойством — большой выразительностью и доступностью своих иллюстраций, их органической и ясной связью с текстом книги. В иллюстрациях Киевской псалтири с необыкновенной, предельной ясностью отразилось понимание Псалтири древнерусским читателем, который в данном случае является одновременно и ее иллюстратором. Энциклопедизм содержания Псалтири нашел в этих иллюстрациях свое всестороннее отражение; ее содержание стало благодаря им понятным и близким читателю.

Последнему способствует прежде всего исключительно продуманное и удачное расположение иллюстраций, их гармоническое соотношение с текстом. Иллюстрации не врываются в текст и не перебивают его; они, как иконные клейма, лишь окаймляют отдельные псалмы; они, как сходи античных рукописей, помогают читателю глубже вникать в текст. И это одна из важнейших особенностей именно Киевской псалтири: в Хлудовской и некоторых других лицевых русских, а также греческих и южнославянских псалтирях XIII—XIV вв. иллюстрации располагаются не только на полях, но и на отдельных листах (часто по несколько на каждом), в проме-